

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 1(091)(4/9)

В. И. Красиков

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В 1920–40-х гг.: АДОПЦИЯ В СООБЩЕСТВО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ⁴

Статья посвящена исследованию феномена адаптации части русских философов-эмигрантов в европейские философские сообщества. Автор выделяет две разные возрастные группы, имевшие разные стратегии взаимодействия со своим инокультурным контентом.

Ключевые слова: русская эмигрантская философия, адаптация, Бердяев, Шестов, Кожев, Койре, Гурвич.

V. I. Krasikov

RUSSIAN EMIGRANT PHILOSOPHY IN 1920–40S: ADOPTION INTO THE COMMUNITY OF WESTERN EUROPEAN INTELLECTUALS

The article researches the phenomenon of adoption of Russian émigré philosophers into Western European philosophical communities. The author identifies two different age groups that had different strategies of interaction with their alien cultural content.

Keywords: Russian émigré philosophy, adoption, Berdyaev, Kojev, Koyre, Gurvich.

Философия в своих наиболее развитых рефлексивно-концептуальных проявлениях стремится и, в большинстве случаев, достигает космополитического, общечеловеческого уровня. Это предстает в виде перехода некоторых национальных систем мысли в интернациональное качество единой (одной) мировой философии. В умоглядную цепочку, возникающую в головах историков философии, выстраиваются «блоки», прежде «национальной», но затем ставшей «интернациональной»: древневосточной, античной,

европейской (французской, английской, немецкой) мысли.

Отечественная философия молода и незрела, имела лишь чуть более столетия развития на академическо-институциональной основе (прерываемого постоянными погромами со стороны реакционного режима) до того, как она была уничтожена окончательно в своем прежнем качестве – теперь уже революционными радикалами, впервые в истории России захватившими государственную власть. Большинство более или менее

⁴ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009–2011 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

значительных мыслителей были высланы за границу, что позволило добиться – заметим: эксклюзивно вообще в мировой истории – некоторых, довольно внушительных результатов.

→ Сохранились, сплотились, сумели творчески самореализоваться и в зарубежье люди, создавшие интеллектуальный проект «русской религиозной философии» в первых десятилетиях XX в. Однако само время их пребывания в пространстве интеллектуального внимания здесь лимитировалось биологическим сроком их жизни, ибо людские ресурсы консервативной и ресентиментной в своей основе эмиграции были мизерны для появления новой самобытной поросли мыслителей-учеников. От России, истинно живительной своей почвы и мощного потенциала дальнейшего возможного развития, они были безнадежно отрезаны до 90-х гг. Когда состоялось посмертное их возвращение – сама Россия стала уже совсем иной.

→ Мыслители следующего поколения смогли – в почти обязательном противостоянии авторитетам (людям «серебряного века») – создать две новые самобытные интеллектуальные группы (евразийцев и неопатристики), предложившие качественно иные стратегии развития русской социальной и богословской мысли.

Само по себе это уже позволяет говорить о феномене самостоятельной русской эмигрантской философии – отделенной как от советской марксистской философии, так и от окружающей ее западноевропейской. Подобная сознательная отделенность и даже противопоставление вряд ли способствовали ее подъему – до искомым высших образцов философского творчества общечеловеческого уровня.

Однако оказались среди наших мыслителей, особенно нового поколения, люди, которые поставили себе целью профессиональную самореализацию на новой родине –

в среде западных интеллектуалов. Тем более, что у них перед глазами стоял поучительный пример успешной адаптации двух «стариков»: Н. Бердяева и Л. Шестова. Последние обладали двумя ценнейшими для адаптации качествами: а) прекрасно знали европейские языки и обладали талантом коммуникации (результат привилегированного воспитания); б) были индивидуалистически и космополитически настроены.

Бердяев вообще стал самым известным из русских философов, которые себя позиционировали именно как «русские». Славу ему принесло небольшое произведение, в котором он, предвзято последующие тренды экзистенциалистской критики, писал о конце «дневной и рационалистической» истории Нового времени и переходе к современной, которую и назвал «новым средневековьем». Это эпоха, когда с мира был сорван обманчивый покров благоустроенности, когда «обнажаются первореальности», а вопрос об отношении к Богу становится вопросом судьбы человечества. Наступает варваризация, кризис индивидуализма, господство масс и вырождение культуры, крайняя поляризация сил, выступающих за и против Бога, что обуславливает неопределенность будущего. «Новое средневековье» стало интеллектуальным бестселлером, было переведено на десятки языков. В «Самопознании» он сокрушался, что известен широким кругам западных интеллектуалов именно через «Средневековье», другие же идеи, которые он полагал самыми важными в своем творчестве, не вызывали особого интереса. То же самое, возведенное еще в большую степень непонимания и отсутствия интереса, можно отнести к русским религиозным философам, не владевшим в столь свободной манере языками и настроенным религиозно-холистически (Булгаков, Франк, Вышеславцев, Зеньковский и др.)

Люди принимают лишь то, что они сами хотят и на что настроены. 20–30 годы во Франции – эпоха «странного свечения» (термин Г. Марселя), исчезновения старой природы и наступления нового, своего рода «сумерки» – когда начиналось движение интеллектуалов к новой персоналистической метафизике, к обновленному католическому спиритуализму. Бердяев, как страстный приверженец личностного начала, творчества и свободы, стал своим в высших интеллектуальных кругах французской философии и литературы, организованных в таких общественных институтах, как «Союз в защиту истины», знаменитые декады в Понтины и журнал «Эспри». «Независимые, гибкие и творческие умы», верующие и неверующие, рационалисты и мистики, представители разных профессий и конфессий встречались на этих собраниях и лекциях, обсуждали выступления, новые интересные книги и значительные события [1, с. 112]. Э. Мунье, Г. Марсель, М. Мерло-Понти интенсивно и охотно общались с Бердяевым, признавали его влияние и сделали его одним из брендов своего движения «персонализма» или «религиозного экзистенциализма».

Тоже самое происходит и с Шестовым. В 20–30-е годы он пишет свои главные произведения, посвященные ключевым героям западной духовной традиции – тем, в ком он видел близкий себе дух высшего экзистенциального напряжения, внутренней борьбы, бунта против любой метафизики или теологии, утверждающей успокоительно закономерное устройство бытия: библейский Иов, Плотин, Паскаль, Лютер, Кьеркегор. Эти труды приносят ему европейскую известность. Он также входит в само средоточие европейского философского мейнстрима – завязывает переписку и личное знакомство с Гуссерлем, Хайдеггером, Бубером и Карлом Бартом. Шестовские идеи, богоборческие и

индивидуалистско-анархистские, оказываются созвучны нарождающемуся атеистическому экзистенциализму, а их автору присваивается эмблема одного из его главных предтеч.

Как мы видим, Бердяев и Шестов, оставаясь в статусе «русских мыслителей» и продолжая активно участвовать в интеллектуальной жизни эмиграции, смогли, вместе с тем, войти и в элиту европейской философии, став здесь важными компонентами ее социальных сетей.

К этой же «группе адаптации» принадлежат и другие отечественные мыслители, почти на поколение моложе «классиков», достигшие также впечатляющих успехов, но реализовавшие себя в статусе уже западных философов «русского происхождения». Тем не менее, в отличие от других, еще более молодых ученых, коих родители увезли из России младенцами и которые реально выросли и профессионально социализировались уже на чужбине (Раппорт, Пригожин и др.), эти эмигрировали хотя и молодыми людьми, но уже успевшими впитать «русскость». Они выбрали стратегию «глубинного погружения» в новую культурно-интеллектуальную среду и возможно полной с ней самоидентификации. Молодой возраст существенно облегчил преодоление культурно-языкового барьера, однако главную роль сыграли настойчивость и целеустремленность – к иному, нежели замкнутый парцеллярный мир эмиграции. Нельзя сказать, что они избегали или чурались общения с соотечественниками, однако их приоритетом стали именно европейские дела, ценности и интересы. И они тоже стали первоклассными европейскими мыслителями – именно для европейцев, сохранившими вместе с тем и некоторые родимые пятна «русскости».

Самый яркий из них – Александр Владимирович Кожевников (1902–1968), ставший знаменитым как Alexandre Kojève, уехавший

из России восемнадцатилетним. Мальчик был из высокообразованной семьи, достаточно сказать, что он был племянником знаменитого Кандинского. Стартовые условия были блестящими, как и индивидуальные способности (полиглот). В 1921–1927 он проходит философские штудии, причем смолodu войдя в европейский философский мейнстрим, имея наставником не кого иного, как Карла Ясперса. И, что весьма характерно – защищает диссертацию по русской религиозной философии: о единстве божественной и человеческой природы Христа в интерпретации Владимира Соловьева. Другой русский эмигрант, его тезка, постарше на 10 лет, А. Койре, познакомил его с гегельянством, которое-то и стало впоследствии для Кожева пропуском в высший свет европейской философии. Всю жизнь он отличался радикализмом, причем какого-то биполярного, можно сказать ницшеанского свойства, импонируя и левым, и правым – главное чтобы это было против серости, филистерства и нудной размеренности бытия. Этим он напоминает и Бердяева, и, особенно, Шестова. Однако, в отличие от них, он моложе на два поколения, для него немецкий академизм уже не сакральный образец высшего внешнего духа. Более того, он выворачивает гегельянство на русский, экзистенциальный манер и завоевывает для «русской идеи» интеллектуальный Париж, контрабандой привнося на ниву французского картезианского дискурса разрушительные семена русского контр-просвещения. Вместо героев XIX века – молодых мечтательных провинциалов, приезжающих завоевывать Париж, после лекций Кожева французская литература заселяется новыми героями – людьми «ничто», лиминального опыта, немотивированной негативности.

Ставшими впоследствии легендарными его лекции по философии Гегеля в парижской Практической школе высших исследований

именно в 1933–1939 годы собирают всю литературно-философскую элиту Франции: Андре Бретон, Раймон Арон, Морис Мерло-Понти, Жан Лакан, Жорж Батай, Роже Гароди, Пьер Клоссовски, Жан Валь и др.

Софист и диалектик, демонстрирующий искрящийся и играющий философский стиль, одаренный магнетической способностью убеждать – так характеризовали лекции Кожева его восхищенные слушатели, будущие столпы французской феноменологии, сюрреализма, феминизма и постмодернизма. Можно говорить о *русском шлейфе* в его идеологии. Своими размышлениями о конце истории он продолжает традиции русской историософии, в частности, апокалиптическую традицию в русской литературе рубежа веков (Мережковский, Нилус, Соловьев, Федоров). В некотором смысле его мысли весьма созвучны предчувствиям этих мыслителей о скором приходе нового типа человека – «грядущего хама».

Александр Владимирович Койранский, как и Кожевников, сокративший свою фамилию до Койре (1892–1964), оказался за границей еще в более юном возрасте (с 16 лет), благодаря состоятельности семьи. Прекрасно владеет основными европейскими языками, получает раннюю высококлассную, что очень важно, философскую инициацию в Германии (1908–1912) и Франции (1912–1914): слушает лекции Гуссерля, Гильберта и Бергсона. После пятилетнего участия в военных компаниях и в Европе, и в России, оседает во Франции, где становится своим в академической сфере. Как и Кожев, он становится известным посредством своей преподавательской деятельности – лекциям в той же Практической школе высших исследований, только на десятилетие раньше Кожева, и то знаменитое поколение будущих экзистенциалистов, сюрреалистов, тем более постмодернистов, еще пребывало более в своих

подростковых проблемах. Круги же католического персонализма, в которых вращался Бердяев и сциентистская, агностическая среда, составлявшая окружение Койре были принципиально не сообщающимися сосудами. Тем более, несоизмеримыми были интересы его как историка философии и науки – с религиозными темами философствования большей части эмиграции. Хотя он и не избегал чтения лекций в русских организациях, публикаций в русских журналах – исследований по И. Киреевскому, Герцену, Чаадаеву, гегельянству в России – все же его основные интересы и контакты были связаны скорее с социальными сетями французских философов (Э. Жильсон, Г. Башляр), с которыми его связывала впоследствии многолетняя дружба. Идеи Койре оказали прямое влияние на формирование постпозитивистского дискурса «исторической школы» в философии науки, прежде всего на концептуализацию таких понятий в методологии Куна, как «парадигма», «нормальная наука», «научная революция» [3].

Наконец, третий характерный фигурант поколения молодых российских обществоведов, которому также удалась полная адаптация в круги западноевропейских интеллектуалов, – *Георгий Давыдович Гурвич (1894–1965)*. Он тоже обладал привилегированным происхождением (семья директора банка). Это позволило получить блестящее образование, летние углубленные занятия в Германии, где он усиленно знакомился с работами неокантианцев, особенно модных в те годы сре-

ди молодых обеспеченных интеллектуалов. Обучаясь в Петроградском университете, он познакомился, а затем подружился с философом С. Гессеном. Эмигрировав в 1920 году сначала в Берлин, затем Прагу, он, в конечном счете, оказался в 1925 году во Франции. Хотя он всегда участвовал в жизни русской эмиграции, однако, как Кожев и Койре, глубоко вошел в академическую жизнь Франции. С 1927 г. Ж. Гурвич начинает преподавать в Сорбонне. В этом знаменитом университете он по приглашению Л. Брюнсвика читал открытый курс лекций «Современные тенденции в немецкой философии». Потом, в 30-е годы преподавал и философию, и социологию в ряде городов Франции.

Оставался всю жизнь социалистом либерального толка (что у нас называлось меньшевизмом). Отсюда его интересы в социологии: социальное право, легитимность и автономия частных социальных групп. Вместе с Э. Морено, Э. Мейо, К. Левиним его рассматривают как одного из основателей теории малых групп. В своих социологических построениях Жорж тяготел к весьма абстрактным философским построениям (признак не только немецкого, но и русского стиля философствования), хотя по иронии самозачарованности мышления, он называл свое учение «диалектическим гиперэмпиризмом». И влияние Гурвича более всего сказалось на философах: концепции диалектики, развитой Ж. П. Сартром («Критика диалектического разума»), и на концепции генетического структурализма Л. Гольдмана [2, гл. 13].

Литература

1. Визгин В. П. Николай Бердяев и Габриэль Марсель: к феномену встречи // Вопросы философии. – 2010. – № 3, март. – С. 110–118.
2. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред.: акад. РАН Г. В. Осипов. – М.: Изд-во НОРМА, Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 576 с.
3. Руткевич А. М. Немецкая философия во Франции: Койре о Гегеле [Электронный ресурс] / Институт философии РАН. Философские ресурсы. Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp8/1.pdf> (дата обращения: 04.07.2011).